

Анна Матасова

МЕДВЕЖЬЯ ГОРА

Где вишня с горчинкой дрожит над лохматым гнездом
Ножом перочинным царапаю призрачный дом –
Барак одряхлевший у самого сгиба реки,
Безумный скворечник, в котором поют старики.

Белёлые дети, летучее – дзень! – комара,
Рыбацкие сети, ловившие только ветра,
Луны золотинки и крылышки божьих коров,
Хрустящие льдинки под крышей сарайки для дров.

Я прыгаю в луже – дожди никогда не умрут,
Из рухнувшей стужи прискачет грибной баламут,
Мы прыгаем рядом, пускаем вдвоем пузыри,
Он делится взглядом – и ты никогда не умри!

Бессмертные танцы – дождливое детство взахлёб,
Отцовское пьянство, звездой поцарапанный лоб,
Собачья пробежка, колючие капли с куста,
Родная ночлежка, сквозная хребтина моста.

А вниз перегнёшься – ленивой реки ширина,
Которой напьёшься, лишь выхлебав душу до дна,
Вернёшься, шатаясь – всё тот же знакомый барак,
Внутри никогда, никогда, никогда не кончается мрак.

А там тебе скажут – у печки присядь, отдохни,
Сожги свою тяжесть, свои поседевшие дни,
Лошадку качни и начни среди новых планет...
Внутри никогда, никогда, никогда не кончается свет.

Яблоки слёз

Я-ТЫ-Я

Она на лету остановит чёрта,
В горящее сердце войдёт она...
Я – просто порванная аорта,
Ты – просто порванная струна.

Пересечение огня и праха
Есть полуголубь-полузмея.
Ты – просто порванная рубаха,
Я – кожа порванная твоя.

В зерно вернётся проросший колос,
Из капли выплеснется прибой.
Ты – просто сорванный мною голос,
Я – песня, сорванная тобой.

Но дальше, дальше ведёт дорога,
Она не делится пополам
На храм, который разрушил Бога,
На Бога, который разрушил храм.

* * *

Картошечки тарель,
Морозного салца...
Вздохнёт домашний зверь
На сало слегонца.

Вздохнёшь и ты, дурак,
Стекло заледенишь:
Четыре света – мрак,
Четыре ветра – тишь.

Чайку погорячей
С малиной отхлебнёшь...
«Куда ни кинь – ничей,
Один я одинёш...»

Изжалобишься в ночь,
В родной собачий бок,
Но выйдет тьму толочь
Рогатый колобок.

Кто в небе продышал
Сиянье- полынью,
И глину замешал
В молочную бадью?

Кто шворкается в дверь,
Щебечет за спиной:
«Ты божий, божий, верь,
Ты тоже, боже мой...»

Яблоки слёз

Плакать без слёз – снегом и янтарём,
Жизнь, не вопрос, проще душить вдвоём.
Вдребезг – ошейник, в сторону – поводок! –
Ангел – отшельник, зверь – крылатый бульдог.

Божье зверье ценит оскал игры,
Тело моё выползет из дыры
Яблока – космос взглянет на червячка:
«Где твои слёзы – нравились – тчка»

О, не соли море самим собой,
Благодари Бога за вечный бой,
Вечный покой и колыбель-слезу,
Сказочный вой не загоняй в попсу!

И соберёшь – куколка, грудничок,
Баю-баю, цапнутый за бочок,
В смертный мороз выбежав босичком
Яблоки слёз – сладкие, с червячком.

Костёр

Алексею Королёву

-1-

И припомнишь, как в лохматый
Год окажешься не при-
чёсан – хоть гребь лопатой
Колтуняки да репы.

На весьма побитой шкуре –
Моль и Муза, два крыла...
Только рифма при халтуре
Перекусит удила.

У неё такая челюсть –
Отдыхает бультерьер,
Потому что в мире ересь –
Есть вернейшая из вер.

Сам себе собрав поленья
Чиркнешь спичкой, без цепей...
И поставит ударенье
Птицей вспыхнувший репей.

-2-

Плачь, Лорелея, плачь!
Ибо, какой дурак
В мире, какой палач
Голову рубит так
Верно – по волоску,
По золотой строке...
В дань пустоте, песку
Вечности и реке.

Всхлип, Лорелея, всхлип...
Ибо, какой дурак
Так безнадежно влип
В многоголовый мрак,
Кто оторвал кусок –
С кровью – черновика,
В ком – пустота, песок
Вечности и река...

Утка идет на взлет,
Следом за ней толпой –
Духи лесов и вод,
В город, на вечный бой.

Но прошивает дробь
Ночи слепой кишку,
Чавкает влажно топь,
Кровь течет по стишку.

Крякнувший самолет
Терпит крушение – вниз,
Рыжий ирландец – (мёд
С ржавчиной) – в поиск, плиз!

Рыжий ты мой дурак!
Как ни кровав поэт
Ночь для него – не враг,
Мир – не добыча, нет!

Демоны – не вопрос –
Щёлкают по курку,
Мокрый собачий нос
Взламывает строку.

Медвежуткая Гора

Для чего тебе, дурашка,
Медвежуткая Гора?
Что за шуба – чебурашка?
Что за суп – из комара?

Хлебца, яблочка на грошик
Из промозглого ларька,
Небо в праздничный горошек,
Медвежуткие снега.

Белым волосом замотан –
Смертной снежной сединой,
Убаюкан, прибормотан
Телевизор ледяной...

В чашу проруби с разбега
Бухнет огненный ошмёт,
Страховитое Онего
Плавниками шевельнёт.

Холодна вода с ладошки –
Звёздной льдинкой отогрей
Ночь, чернее чёрной кошки
В чёрной комнате своей.

Последняя осень

Так в город Осени приходят не пережившие осень,
и ездят на луноходе, и на летучей лошадке,
и честно сдают на входе ветшающие манатки.
А после грызут сосульки, катают колёса света
и мастерят свистульки из глиняных слов поэта.
Не пережившие осень – в осени остаются,
последние листья сбросив – летают, поют, смеются...

Питерские подворотни

Так падает топор, и отпускает бабку
Гулять по тишине, где жёлтые дома
Бросаются в лицо...
Хромающий на лапку
Железный человек – ведёт меня с ума.

И тело – сквозь канал, встающее на мостик,
Врастает в беспредел слезы и кирпича.
Брось истину, вина, – и пусть тебя не бросит
Нерукотворный свет с бездомного плеча.

А что тебе ещё? Как памятник на воле
Хрустит по костякам – иди себе, вали,
Страницами чужой – перегоревшей – боли,
Пластами ледяной – обугленной – земли...

Три ключа

Прозвенишь бубенцом, большеротым птенцом,
из гнезда языка – зная вкус родника
и мороза укус – крылья, клады, ключи...
в общем, вынесешь груз золотого: «Молчи...»
И пойдёшь босиком, красноватым песком,
бесноватым огнём – за крылатым конём.
В седину, в молоко, в белизну-черновик,
как ребёнок – легко, тяжело – как старик.
В обречённый закат, в полуночный восход,
если хочешь – назад, если хочешь – вперёд.
Оставляя следы перевалами книг,
вечный пласт немоты согревая на миг.

* * *

Вращение земли – гончарный круг поэта

Людмила Алексеевна Волошина

Вращение земли – гончарный круг поэта,
жужжи, поэт, твори – вращенье терпит это.
Ведь не мешает звук движению руки,
но ты от этих рук молчащих – не беги.
Всего один комок, на пальцах – краснота,
ещё один умолк, заговорив с листа.
Недолгий пересчёт, горсть черепков и дней –
гончар и звездочёт, твори себя сильней!
Пусть глина запоёт, пусть сыпется она
на твой поющий рот, в котором – тишина.
С ладоней не сотри, в строке её не тронь,
у вечности внутри – огонь, огонь, огонь...

Трёхголов

Кругом – сосна, откос, песок,
А выше – неба синий сок,
Лопата льнёт к ноге.
Вниз – ровным слоем – мертвецы,
Их черепа – как бубенцы
Звонят в моей строке.

А между небом и строкой
Бежит, прикинувшись рекой,
Собачий Трёхголов.
В подстилке нюхает мыша,
Когтём копает не спеша,
И чавкает улов.

Вода виляет рыжиной,
И лает шарик кровяной
В подпалинах болот,
На то, что я пугаю дичь,
Пытаясь лязганье настичь
Ошейника – вот-вот...

Живая песенка лучше мертвой бумаги

Что я вижу, когда глаза окуну
В мрак постели, в чёрный глухой колодец?
Вижу – лайку, в пасти её – луну,
На луне – блохастый, смешной народец.

С этой лайкой, кажется, мы – родня.
Каждый шарик крови, прильнув к окошку –
Дырке в коже – лает: «Пусти меня
Догонять-шпынять кошака и кошку!»

Я привыкла. Я задвигаю йод.
Я порой разрешаю чуть-чуть кровиться,
Чтоб от бега жарко свело живот,
Принося мне палку, мяч, рукавицу.

Но потом, от близких собачьих свар –
В жестяной океан, под копыта буре –
Я лечу, как трёхголовый Икар,
Так, что блохи воют в сгоревшей шкуре.

Что тогда я? – просто... пузырь, орех,
Пожелтевший череп, кора, бутылка...
Я – бочонок, в котором то плач, то смех,
Лунный мех у вздыбленного затылка.

Я – кораблик, выжженный пустотой,
Кто ведет меня в безымянном мраке?
Песенка, что согласна сгореть звездой...
Живая песенка лучше мёртвой бумаги.

Шарик любви

-1-

Братец, ты очень стар,
Старше, чем океан...
Шарик любви Иштар
Выкатит на кальян.

Пых! – ароматный дым,
Весь океан – в дыму,
Мальчик умрёт седым
В девочкином дому.

Выдохни дым по ней –
Плоти, пыльцы, попсы...
Станет ли солоней
Шарик твоей слезы?

-2-

Помнишь, Мэри, как певали
На кораблике с тобой:
«Тили-тили, трали-вали,
Нам не страшен вечный бой!»

Провожали день вчерашний
Поцелуями с вином –
На кораблике бумажном,
На последнем выходном.

Птичка божия не знала
Ни заботы, ни труда...
Из-под айсберга финала –
Мира темная вода.

Пляска пульса – до потери,
До последней пустоты,
И бормочешь: «Мэри, Мэри,
Отчего кровава ты...»

Белый круг, чёрный квадрат

Ты, человек, – квадрат,
КрУгом тебе не быть.
Осень приходит. Рад
Всякий её убить.

Осень – матерый зверь:
«Спутница, ё-маё,
Хлопни печать – заверь
Им бессмертье моё».

И потечёт луна
С чёрной бумаги – вниз.
Осень. Квадрат окна.
Выход куда-то из

Дома, рассудка, рук –
Выплеск, распад, пароль...
И потечёт вокруг
Чёрного слова – боль.

Может один из ста
Тысяч – замкнёт внутри
Белый квадрат листа,
Чёрный квадрат земли.

* * *

Не души Дездемону, Отелло, – она задохнётся сама,
у неё раскалённое тело и кожа-зима.

А в зрачках её – белая птица, во рту её – чёрная ночь,
подари ей платок из ситца – больше нечем помочь.

Сделай доброе дело – разгрызи поцелуи во рту,
чтобы птица сама улетела, улетела, крича, в темноту.

Промахнулся Акела, лунный мальчик оскалил клыки –
задохнулся Отелло и плачет, разжав кулаки...

* * *

Птичий холод, дыханье окраин –
перемолот на кости хозяин.

тьма колодца – бетонное блюдо,
электричества солнца смеются

в белом-белом подраненном свете –
на вольфрамовом пляшут скелете...

Снег наложит холодную лапу
на колючую точку звезды,

ну – за маму, детёныш, за папу –
хоть глоточек ещё пустоты.

* * *

Неужто осень? На её платке алеет роза и сверкает иней.

Бахыт Кенжеев

Эй, хозяин! – ещё пару литров – и столбы доползут до нас.
Пусть закат – золотая бритва – наезжает на лунный глаз.
Ведь стеклянные сны не бьются, с алой розой в седом снегу,
Кто хлебает мороз из блюда и с улыбкой несёт пургу?

Но в улыбке её чеширской проступает оскал зубов,
Потому что она – транжирка нашей крови и наших слов,
И на ржавых её надкрыльях, словно мертвая голова,
Проступает тоска бессилья, невозможность поджечь дрова

Наших душ отсыревших... Это – безнадежная тайна сна,
Пусть луна растёт для поэта, и поэт говорит «луна»,
Между ними не выбить искру, за которой ревет пожар,
Остается достать канистру и плеснуть на промёрзший шар.

Но сначала – плеснём-ка в кружку огнедышащего питья,
А потом позовём подружку, у которой в груди – змея,
Рыжий локон, алая роза, ледяная соль тишины...
И, приняв изящную позу, упадём, наконец, с луны!

Питкьяранта – Длинный Берег

-1-

Алексею Королеву

Тёмное время сада.
Выйди – разбереди:
Яблочная помада
По ледяной груди

Неба – чертой, штриховкой...
А на краю огня
Месяц – косою подковкой
Смывшегося коня.

Первый комар, подлиза,
Дзенькает у скулы,
Озеро – словно линза
Прапервобытной мглы.

Не наклоняйся ниже! –
Выманит в никуда
В дырах созвездий крыша,
Дырами глаз – вода.

Лучше найди другую
Ссылочку, «вечность ру»,
Бусину кровяную
Жертвуя комару.

-2-

Питкяранта – длинный берег,
И – вдоль берега всего –
От завода до карьера
Сонной Ладоги стекло.

Угли рыжие заката,
Прогоревшие дрова,
Ночь медведицей горбатой
Обнимает острова.

И дрожит, дрожит дорожка –
Розоватая луна
Осторожно, словно кошка,
Лижет пенки с валуна.

Под зудящую пластинку,
Комариный говорок,
Жертвуй бусинку-кровинку
В тёплый северный пирог.

А в ответ тебе порцайку –
Золотой глоток звезды –
От щедрот плеснёт хозяйка
Медной ладожской воды.

-3-

Шарик шиповника – семечек стайка,
В острых ворсинках теплая кожа,
Варит кисель поварёнок заката,
Морда собачья греет колено.

Счастье, как яблоко, брызгает соком,
Ленью янтарной тело искрится,
В час, когда волком станет собака,
Тень подкуёт разноцветное небо...

-4-

Одуванчик жёлтый,
Жёлтый одуванчик...
Временем потёртый
Старенький диванчик.

Длинный-длинный берег,
Рыбья кость завода,
Вечерами – телек,
Опиум народа.

Дранные хрущёбки,
Гаражи, сараи –
Ржавые заклёпки
Квашеного рая.

Городок на свалке
Мировых событий –
Лодки и русалки
В ладожском корыте.

Счастье – это просто.
Потянулись годы
Для ребёнка – роста,
Для меня – свободы.

Сдует неумело
Толстощёкий мальчик
Одуванчик белый,
Белый одуванчик...

* * *

Слог – лобогрыз
И лоботряс.
Яблоко вниз –
Аз.

Слог – перевод
Смысла на звуки.
Яблоко – в рот,
Буки.

Чара, искус,
Липкие сети...
Яблока вкус –
Веди.

И вот, когда боль,
Выжжет твое нутро,
Слогом, поэт, глаголь
Добро.

Черный Хлеб

Путь зерна, которым жил:
Колосок колючий ржи,
Светлый купол, темный лес...
Мир, воистину, воскрес.
Деды-прадеды легли
В черный хлеб моей земли.
Черный хлеб, багряный сок...
В божьи руки – колосок.

* * *

Мы землю зовем – чернозём,
А хлеб называем – черняшка.
Буханку берёт на излом
В мозолях рука-замарашка.

Он вкусный, когда с кислицей,
С дымком на запекшейся корке.
Такой не замесишь с ленцой,
Работу взвалив на закорки.

И пот в нём, и жар, и напряг,
И песня, дрожащая зыбко,
Улыбки простых работяг,
Ответная Бога улыбка.

От Господа – хлеб и земля.
Единой присыпаны солью
Краюхи, ломОтья, поля –
С кислинкой, с кровавинкой, с болью.

Покуда огонь не погас
Не будет беды-лихоманки,
Ведь даже могилы у нас –
Как черного хлеба буханки.

* * *

Желтый город грустит,
Осень нами хрустит,
Черная кошка спит на моем плече.
Так начиналась тьма,
Так начиналась Мра,
Время Египта, тысячелетье Че.

С той стороны стекла
Волчье око Ра.
Что ж ты, поэт, дышишь едва-едва?
Повесели господ,
Выжми запретный плод –
Бабочка, тленка, мёртвая голова.

Если б ты знал, болтун,
Жажду, а не бодун,
Если б тебя поили кровь и река –
Ты б обманул конвой,
Занырнул с головой
В капельку колыбельного молока.

ГрОши и стопари,
Дохлые словари,

Лапой сметёт бог с головой змеи.
Знал бы, как голод рвёт
Вспоротый тьмой живот –
Всё бы отдал за буханку черной земли...

* * *

Захару Прилетицу

Едва жива засыпанная снегом
Окраина Руси,
Но здесь дымится зеркало Онего,
И – Господи спаси! –

Какие в нём ерши и зодиак
Под хрустнувшим ледком,
Когда в ночи свирепствуют собаки
Косматым языком.

Дай вы-го-во-рить-ся! Не захлебнуться
Среди твоих чудес,
Дай мордой в небеса твои уткнуться,
В дозвёздный лес,

В пустынях снеговых или бумажных
Почуять дай – молю!
Что плачет сукин сын, со-друг, со-бражник
Со-брат по словарю.

Дай поцелую в губы золотые
За слово-серебро,

А сердце, словно конница Батыя,
Топочет под ребро.

* * *

Жить возле кладбища легко.
Ночь – с фиолетом молоко,
Кисель размытых берегов,
Следы волков.

Перила ржавые, балкон,
Где слово капает вдогон,
Когда с дождём наперевес
Приходит лес.

Влезает в комнату, мохнат,
И шваркает жемчужный град
Созревших ягод дождевых
Тебе под дых.

Шаманит что-то за столом,
И старый мир идет на слом,
И новый тычет головой -
Уже живой...

Что нужно лесу моему,
Где звёзды бухают во тьму,
Среди бумажного огня
Во тьме меня?

Где каждой веточкой сырой,
Листвой, корнями и корой,

Растёт дохлебный чернозём,
Поёт – во всем.

Нет слова «город» или «век»,
Есть глина, зверь и человек,
Есть книга дерева во мгле –
Хвала земле.

Ноябрь залижет языком
Мои молитвы ни о ком.
Вернись к началу, – скажет – Тварь,
Ляг в глиняный букварь.

* * *

Кто на древней земле, кто бредет по дороге к дому,
где война на войне громоздится железным ломом,
где крыло на крыло или, может – сугроб в сугробе,
где звезда наголо над могилой в бетонной робе.

Захрустит заберег, да потянет кровавым духом,
полуволок-человек настороженным дёрнет ухом,
кровь залижут ручьи, растворят хрустали-озёра,
взвоят души ничьи с безнадёги да с беспризора...

И пойдёт ребяшня собирать молодые кости,
комарами звеня лес шагнёт к человеку в гости,
похоронят потом вперемешку в одной могиле –
спи в обнимку с врагом, ваши ангелы всё забыли.

Лишь слепая земля, вереница певцов былинных,
языками меля с невозможных мостов калинных,
опалённый родник оградит веков валунами,
только розовый лик с чёрных досок вздохнет над нами.

Отогреет она, отпечалит из красной глины,
из последнего сна расцарапает в куст малины,
чернозёмный лом
Отъ поднесёт на тёплой ладони –
упокоится плоть, полетят золотые кони.

Так забытый солдат прорастает потом в ребёнке,
или выжженный сад снова яблоней гнётся тонкой,
так смеётся страна, так судьба заплетает нити,
умирает война, умирает война – живите.

тьма

-1-

Нежность твоей руки
Невыносима.
В центре моей строки
Вспыхнула Хиросима.
Птица летела на свет,
Птица клевала слова...
Выжженный силуэт
Виден едва-едва.

-2-

Мне нравится твой изгиб,
Твой выпивший ночь загар,
Но демон в тебе погиб,
И лапы сложил Акбар.
Как будто когтистый след
Тебе продавил живот,
И ангел в тебе ослеп
Над бездной горящих вод.

-3-

Не зарекайся тьмы.
Люби, потому что – тьма.
Стисни ее, вдохни,
Выдохни – мама, ма...
И разойдутся швы,
Ребра раздвинет тьма.
Скажет: «Живи, крови...
Я – твоя мама, ма».

глубокая заморозка

Сколько всего отмеряно
Мне, кроме жалости, жалости? –
Горстка птичьих бараков,
Серебряных пчёл забытье,
Черного мёда колодец,
Лунный глаз рыбака...
Только жалеть не умею.

И сыплются с волчьей шкуры –
Снега, снега...
Смерть все равно нежнее.

картинка ночью из окна

Косо наждачный ветер
Стёсывает бараки.
Мрак. Первобытный Ленин
Вгрызся в гранит когтями.
Озеро режет корку
Мерзлого черствого хлеба
Над стопарём дремучей
Розовой тишины.
Больше меня не мучай –
Выдохни...
Помяни.

* * *

Вот она, красная рыба зимы
Страшная рыба тьмы
Вот трескучий ее плавник
Колок и ледовит

Вот драконий ее хребет
Крючья и дыры рта
Может, кого сохранит от бед
Вечная немота

Сыплет рисовая кутья
Стелет седым сенцом
И улыбается полынья
Черным пустым лицом

Это все не для нас, братва
Чокнулись – и молчок
Серебрится едва-едва
Жилка дрожит крючок

Шевеленье слепой воды
Это не ты, не ты
В горло льется ладожский лёд.
И на тебя клюёт

* * *

Глубокая настала заморозка.
Зачем лепить провинцию из воска?
Ей ближе глина – комканая речь.
Барачный хром.
Вонючий дым завода.
Репейники седого небосвода.
И на хрена нас, миленький, беречь?
А ты все лепишь, лепишь...
Ну, лепила...
Мерцало чтобы, плавилось, знобило -
Шершавый разжигашь огонёк.
Рюкзак, тулуп и валенки-растяпы,
И звезды с ледяной медвежьей лапы
В черничнике рождественских берлог.

Где прорубь открестилась от младенца,
Там Ладога расстелет полотенце –
Такого не покажут по ти-ви.
Звнящий пух, серебряная вата,
И с вечностью рифмуется – лопата,
И спички отсырели на крови.

Медвежья Гора

Спите спокойно – над нами небо,
Небо, бессонное на века.
Снизу – молочный язык Онего
Лижет кисельные берега.

Эх, хороша, холодна водица –
Звездное стылое серебро!
Словно Господь захотел напиться -
Да опрокинул с небес ведро.

Топал медведь по лесам Корелы,
Сладкой Онеги хлебнул со дна -
И завалился в черничник спелый
В непроходимые дебри сна.

Лапы в колючей воде полощет,
Дрыхнет, сдувает с морды ледок.
А на хребте его встали рощи,
Сонный раскинулся городок.

Лишь золотинка в зрачке искрится,
В прорубях черных дрожит икон.

Что же, родная, тебе не спится?
Что ты бормочешь – о чём? о ком?

В теплой берлоге, в дремучей глине,
Не выбираясь из темноты,
Может быть, просто – поешь о сыне,
Может быть, просто – просишь воды.

* * *

Лизни железный штырь
В лютый волчий мороз.
Детство твое – поводырь,
Оно доведёт до слез.
Пусть проберёт до пят
Розовый жар с щеки,
Пусть за спиной сопят
Девочки-мальчики.
Просто лизни его
Отполированный край...
Жив твой язык, ничего,
Сплёвывай кровь давай.

* * *

Как хорошо, когда зима
По косточкам хрустит,
Когда нагуливает тьма
Зубастый аппетит.
Темно, темно, темно, темно
Дыханье из трубы,

И смерти, в общем-то, смешно
Стучаться к нам в гробы.
Эй, печку выстудил, аминь,
Дровишек-то подбрось!
Тулуп растрепанный накинь
И выйди на авось.
Прихватит кончики ушей
Колючий ветерок,
Для человечьих малышей
Затеяли пирог.
Лениво сеется мука,
И месяц в молоке,
И вдруг когтистая рука
Погладит по щеке...

* * *

Бревна, мерзлая колонка,
Еле теплится ларёк...
И по ком болит печёнка
Заморозке поперек?

На витрине – стеклотара,
Строй палёного тепла.
И по ком хлебнуть водяры,
Не стеснясь, из горла?

Фонарей горелых спички,
Мерно лязгает завод.
Снег на белой рукавичке,
Снег вгрызается в живот.

Стынет блочная хрущоба,
Закемарил бедный людь,
Мохноногая чащоба
Приняла луну на грудь.

Север, зверь мой бесноватый,
Белоглазый Абаддон.
Серебристой стекловатой
Припорошенный бетон.

Стынет братская могила –
Наши, немцы, татарва...
И по ком звонит мобила,
Если родина жива?

* * *

Ах, крошево, ах, варево! – сплошная болтовня,
Зима рычит – проваливай, не обжигай меня!

Ты искры золотистые роняешь на бока -
Ну отвали, не стискивай, я старая карга.

Летит кукушка синяя и говорит ко-ко –
Кокое все красивое – мазут и молоко,

И треснувшее озеро в тропинках-ремешках,
И морда у бульдозера в расстрелянных снежках,

И солнечные зайчики в стеклянном кулаке,
И Сашкины считалочки на пьяном языке.

Дыми, мое отечество, прожженное в ночи,
Зачем из человечиков ты лепишь кирпичи?

Зачем тебе фуфлыжники, хозяева тайги?
Кидай свои булыжники – давай вперегонки!

Да по тетрадным клеточкам, да на одной ноге,
По линиям – по веточкам у Бога на руке.

Идет бычок, качается – ой, цигель ай-лю-лю,
Доска моя кончается – а я тебя люблю...

* * *

Не знаю, где.
В далёком-далеке.
На очень старой медленной реке,
Мой друг гнездо свивает в птичьем ухе.
И тьма к нему приходит помолчать,
И он не устает её качать,
И в колыбельной тонет бормотухе.

Оставь свои игрушки в словаре.
Здесь черный пух и яблоки в ведре,
Серебряные когти у овчарки.
Смеется тьма, и сны ее светлы,
Скелеты наши сдвинули мослы
И приняли по черепу – по чарке.

Дичится наливающийся мир
В квадратных червоточинах квартир,
Напуганный бабайками из склепа...
Царапается пойманный жучок,
У спящей тьмы разжался кулачок -
Теперь лети, лети, лети на небо.

НОВЫЕ СТИХИ

Божья коровка

-1-

Алексею Королёву

Зарастает глина. Колется малина.
Схватишь, чертыхнешься – кровянит рука...
На ходу залижешь...ближе, ближе, ближе...
Божья коровка лезет в облака.

– А у нас за печкой жили человечки,
Тихо шебуршали в глиняном тепле.
– Где же твои детки?
– Я пришел из клетки...
Яблоко на ветке, водка на столе.

Груда старых досок, медуница в осах,
Пятнышки на крыльях в золотом дыму...
Только треск с экрана:
...яма – это мама...
Дальше, мой хороший, надо самому.

Камера – в осколки.
– Ты ж в одной футболке...
– Холодно ж на голом...
...шкрябает в груди...
Дует осторожно – здесь тебе не можно,
Ты ж ещё зеленый, мальчик, уходи.

Улетай скорее, память не согреет,
Память черным пухом сыплется в горсти.

Лёвка-королёвка, божняя коровка...
Что ж ты, дурень, плачешь?
Госс-поди прости...

-2-

Сколько бабочек в траве,
Сколько смеха в голове,
Что ты спрятал в кулачок –
Ду-ра-чок?

Сколько зиньканья в осе,
Сколько ветра в колесе,
Что ты пишешь по стеклу?
Я-ум-ру...

Сколько шороха в лесах,
Сколько бога в небесах,
Что рисую я в ответ?
Бу-дет-свет...

Сколько солнца в молоке,
Сколько смерти в старике,
Что ж ты сжал ее в горсти?
От-пу-сти.

* * *

Вот двадцатый – без языка,
Двадцать первый – без головы.
Две страны, два кулака,
А под ними – трупные рвы.

А над ними то ли звездой
Догорает виев зрачок,
То ли маму зовет седой
С черным крылышком дурачок.

Знаешь, родина – это шрам,
Незажившая тишина,
Если Бог покидает храм -
Остается кровить стена.

У которой – хоть плачь, хоть вой –
Всё молитву одну вести...
За колючкой застыл конвой.
Не расстреливай нас.
Прости.

День Победы

Алексей Королёву

Стоп-сигнал на повороте
Опрокинется в зрачок.
Это мамин голос вроде:
«Ты, Алёша, дурачок».

В платье ситцевом, помятом
Мама смотрит с-под руки:
«Ты, Алёша, в 45-м
Всё ж, себя побереги».

Гнусь базаров и разводов –
Лохотрон, лесоповал.
Посреди рекламных фоток –
Стёртой карточки провал.

Прожигают до печёнок
Стоп-сигнальные огни.
«Ты в железной коробчонке
Сам себя не хорони».

Свет встаёт заградотрядом –
Бронебойный, разрывной.
«Я всегда, Алёша, рядом,
Я не плачу, мой родной».

Над заплывшей Московией
Смерть и музыка впритык,
Красный блеск в пенсне у Вя,
Кремль врезается в кадык.

Из пластмассовой шарманки
Мертвецы поют, пока
Подплывает на Лубянке
В сгустках латексных река.

Жили-были наши деды –
Вот и мы с тобой живём.
Мир, Алёша.
День Победы.
Чёрный хлеб над стопарём.

Кони

Наилю Ишмухамедову

Мальчишкой – летишь на белом
По сказочным беспределам.

Героем – на вороном,
Цок-цок под её окном.

А после – вместе с чубарым
Тягаешь возы на пару.

Потом трусишь на савраске...
И – в стойло.
До новой сказки.

...Но божий сад встаёт вдали
В гуденье пчёл и звездных брызгах.
Ты шагом трогаешь с земли
На кляче в яблочных огрызках.
Пускай костлява и бледна,
И ветер свищет по глазницам,
А все же вывезет она
Навстречу яблоням и птицам.

* * *

Что внутри у человека? – речь,
И еще совсем немного места.
Там дымит натопленная печь,
Бабушка замешивает тесто.
Или режет хлеб на сухари

На корявой вытертой дощечке...
Человечек, у тебя внутри
Кончились сожжённые словечки.

* * *

Захару Прилепину

Свет ноября. Перегорели спички.
Трепещет костерок.
Поговоришь с Онегой по привычке –
И волны между строк.
И ряпушка в бездонной сковородке,
Картошка в котелке.
Так хочется свободы – или водки
На русском языке.
Земля моя – озябшая, живая,
Из домовин браков и хрущоб
Шарахает победа моровая...
Мы выживем ещё.
Перезимуем, запалим огарки,
Мазут сотрём со лба,
Воскресшие у божьей кочегарки –
Где тёплая труба.

Крым

Смерть в кристалликах соли, в ошкурках овечьего дыма.
Что на камне твоём? Фотография старого Крыма.

Тазик ржавой воды. Госпитальные запахи хлорки.
Полосатые звери в растерзанной розовой корке.

И змеится лоза, прорастая сквозь сонное тело,
Полусладкое, сладкое – шепчешь – мускат, изабелла...

А потом, в темноте, спотыкаешься – снова о камень.
– Боже, кто я и где...
Наклоняешься, шаришь руками.

Там три даты: родился и умер. А дальше, у края,
Полустёрто: воскрес...
Дальше цифры шипят, догорая.

Коктебель

-1-

Жили у бабушки, где виноград по стене,
Сад, два фонтанчика, душ удивительно ржавый.
Плавали в море, в креплёном плескались вине,
В чёрном портвейне бухой киммерийской державы.

Тряска в маршрутке, тигриное брюшко осы,
Корки граната, холмы – колтуны и колючки.
Кровью на рынке сочились в разрез арбузы,
Море ворчало, а ночь – подливала горючки.

Пляж – караоке и танцы, шашлык и лаваш,
Каменный Макс на драконьей груди Кара-Дага.
Где эта улица? Где этот бабкин шалаш?
Помню – железная дверь и коньячная фляга.

Знаешь, Волошин, мне нравится, как ты зажег,
Ты пригласи меня в гости, когда перееду.
Север отпустит, архангел не сунет в мешок,
Всё-таки многое Бог разрешает поэту.

Сядет душа по-татарски в серёдку ковра,
Зирочек пять отхлебнёт из протянутой чаши...
Бабушка Рая кудахчет на внуков с утра,
Спать не дает, поседевшими крыльями машет.

-2-

...он ловил, киммериец, ужаленный воздух губами,
Торопился, тянул на мерцающей жилке слова...
Где крылатое море махало на нас берегами,
И арбуза светилась расколота голова.

Вот холодная галька, шершавая корочка пляжа,
Дисотека, горячая пицца, валютный обмен.
Вот с седым виноградом склоняется звездная чаша –
И бессмертье из чашечек розовых круглых колен.

Так отравлены мы, что из тьмы возвращаются лодки,
В них – ловцы человеков запутали снасть с бодуна,
И змеится браслет, и звенит по тебе с щиколотки –
Все прощает любовь, потому что смертельна она.

Так поет киммериец, что мир начинается снова –
С поцелуя, с цикады, с цикуты разлитой в ночи,
С золотистой чешуйки на голой груди змеелова,
С подгоревшей лепешки в татарской дымящей печи.

...у решетки с обугленным мясом, на рваной подушки,
Приподнимешься, слышишь – шипит киммерийская тьма...
Тут не помнит земля ничего – только пыль и ракушки,
Нахождение народов, приморский дискач, кутерьма.

Кок – и треснуло горлышко, черный портвейн расплескало,
Орион окунулся по пояс в змеиный рассол.
Здесь молчат мертвецы, и молчанье – острее металла,
Генуэзская крепость уже распорола камзол.

И холмы за холмами, в отлив созревающей сливы,
Осторожно топчут, вминая в песок костяки.
Виноградная кровь. Многорукая нежность залива.
Подополза-подползают раздвоенные языки.

Сколько древних игрушек схоронено в чертовой дырке –
Царства, войны, монеты – сгребает дракон, не спеша...
Но смеются девчонки, и бьются на счастье бутылки,
Бледный конь припаркован у новенького гаража.

Сколько здесь черепов понатыкано – смертных, бессмертных,
На шипах Кара-Дага, где нам не достались места.
...ты лежишь, опрокинутый ветром, в шиповниках медных,
И кузнечик на грудь твою прыгает вместо креста.

Алексею Королёву

Окаменели лужи во дворе,
На звезды загляделся даже Ленин –
Полцарствия в молоках и в икре,
А ты уткнулся Ладоге в колени.

Какие бесконечные мостки!
В одной рубашке поджимаешь ноги...
И шамкает волна: «Надень носки,
Укройся в человеческой берлоге».

Горбятся медвежьи острова
Подсвеченные первыми снегами,
И стайкой любопытная плотва
Чирикает по горлу плавниками.

Кончается небесное кино,
А ты – дурак, ты повторяешь: «Боже...»
И смерти нет – и страшно всё равно,
Когда любовь с ободранною кожей.

Потом бежишь, срываясь, босиком,
В змеиный сад, который весь – засада...
Там яблоко на ветке. С червячком.
Сорви его.
Не бойся.
Так и надо.